

Я проплакал почти всю ночь, сжимая его в объятиях и шепча всякую бессмыслицу, пока не забылся тревожным, полубредовым сном.

На следующее утро Сяфэн и Дунцзы пришли прислужить мне, но, едва переступив порог, в ужасе замерли.

— Ваше Высочество, что с вашими глазами? Почему они так опухли? — всплеснул руками Сяфэн.

Он обмотал руку горячим шелковым платком и принялся осторожно обтирать мне лицо. Когда ткань коснулась веков и кожи вокруг глаз, я болезненно зашипел от резкой боли.

— Поздно лег, — буркнул я.

Голос прозвучал сипло и хрипло, отчего сердце у меня болезненно сжалось. Неужели вчера вечером я одолевал его этой же ужасной бредятиной? Не досадил ли я ему своим хрипом?

— Да какое там «поздно лег»? — возмутился Сяфэн. — Вы же явно проплакали целую ночь!

Дунцзы принес два очищенных вареных яйца и стал аккуратно катать их вокруг моих припухших веков. Едкая, режущая боль постепенно утихла. Затем он еще ненадолго приложил к глазам теплое влажное полотенце, и вскоре тяжесть в веках почти прошла.

Сяфэн подал мне чашку с отваром из груши, смягчающим горло. Когда я осушил ее до дна, он протянул ломтик какого-то снадобья и велел положить под язык. Прохладная, освежающая сладость медленно потекла в гортань, и саднение в горле окончательно отступило.

Слуги принесли с собой еще горячие пирожки-баоцзы из Паровой лавки семьи Ли и сладкие пирожные из маша. Я жуть как любил эти лакомства, но, съев пару кусочков, опять погрузился в тоску. Когда же он наконец проснется? Мне так хотелось угостить его этими машевыми пирожными — они такие сладкие, съешь кусочек, и все печали мгновенно улетучиваются.

Покончив с завтраком, я остался абсолютно без дела и снова примостился у постели, не сводя с него глаз.

Сжав его прохладную ладонь, я стал выводить кончиком пальца узоры на его коже. Он лежал не шелохнувшись, бескровные тонкие губы были плотно сжаты. Казалось, он совсем не чувствовал легкого, щекотного прикосновения.

Дунцзы оглядел убогое убранство и вздохнул — наверное, уже в сотый раз за утро:

— До чего же здесь убого! Как Ваше Высочество может оставаться в такой глуши?

И ведь он был прав. Пусть даже по моему приказу сюда принесли пышные шелковые перины, расставили бронзовые жаровни с лучшим серебряным углем и привезли несколько горшков с ценными весенними орхидеями — все это не могло скрыть убожества и ветхости каморки. Помещение это уступало размерами даже уборной в моей городской усадьбе: стоило одному лечь, другому сесть, а двум слугам встать рядом — и внутри уже нечем было дышать.

Но какое мне до этого дело?

— Где он, там и я, — тихо произнес я.

Дунцзы несколько раз порывался что-то сказать, но осекался, а под конец все же не выдержал и сердито вылил накопившуюся желчь:

— Ваше Высочество отдаете ему всю душу без остатка! А вдруг он окажется вторым Сюй Цинцзэ?! Если этот человек хоть раз заставит вас страдать, я... я с него спустил бы шкуру!

Я строго смерил Дунцзы пронзительным взглядом.

Мой бессмертный не мог быть вторым Сюй Цинцзэ. Он — единственный и неповторимый.

Даже решившись на смерть, он все равно сам налил мне чаю и тихо поблагодарил. Но за что? Я ведь ничего для него не сделал: не снял эти тяжелые цепи, даже не накинул ему на плечи теплую плащ-накидку.

Ему было так тяжело, но он все равно улыбался мне. Разве может такой невероятно чуткий, нежный человек причинить мне боль?

— Впредь, как относитесь ко мне, так относитесь и к нему, — строго наставил я слуг. — Чтобы я больше не слышал от вас ни единого дурного слова в его адрес. Поняли?

Дунцзы устоял на меня в изумлении, явно не ожидая от меня такой твердости.

Впрочем, его можно было понять. Прежде он изо дня в день бранил Сюй Цинцзэ и грозился набить ему морду за меня, а я лишь молча сносил его дерзости. Должно быть, слуга решил, будто я просто переметнулся к другому и перенес нерастраченную привязанность на новое лицо.

Но это совсем иное.

Это не просто чувство. Это судьба.

В то самое мгновение, когда тот пылающий, ярко-алый силуэт ворвался в мою жизнь, он навсегда вплелся в полотно моей жизни.

Увы...

Я не умел объяснять это словами, да и не испытывал никакого желания оправдываться.

— Но Вашему Высочеству нельзя бесменно сидеть в четырех стенах, — вмешался Сяфэн. — Не желаете ли прошвырнуться по городу? Поговаривают, на запад столицы приехала знаменитая театральная труппа. Может, отвезу Ваше Высочество послушать оперу, развеем тоску?

Я лишь отрицательно качнул головой. Какой уж тут театр...

К тому же, а вдруг он очнется, а меня не окажется рядом? Вдруг он снова решит, что брошен, и увязнет в печали?

В этот миг снаружи раздался осторожный стук в дверь.

На пороге появился глава Палаты государственного этикета.

Чиновник, как и в прошлые дни, склонился в низжайшем поклоне:

— Третий принц обладает драгоценным здоровьем, и пребывать в столь убогих покоях — недопустимое стеснение для Его Высочества. Вашему покорному слуге уже удалось подготовить лучшие покои класса «Небо». Покорнейше прошу Ваше Высочество перебраться туда.

Я промолчал.

Зато за меня тут же вступился Дунцзы:

— Наш принц уже ясно сказал: он останется вместе с этим господином! Чиновник, не тратьте попусту слова и ступайте восвояси!

«Молодец, Дунцзы», — подумал я про себя. Хоть он и сам был не в восторге от моего пребывания в этой дыре, перед посторонними стойчески отстаивал мое решение. За это я великодушно простил ему недавние дерзкие речи в адрес моего бессмертного.

— Этот господин также может переехать в покои класса «Небо», — поспешно добавил глава Палаты.

Лишь тогда я на мгновение обернулся и смерил его взглядом.

Выглядел чиновник изможденным до предела: под глазами залегли глубокие синяки. Очевидно, с того самого дня, как я обосновался здесь, бедняга не смыкал глаз.

Оно и понятно. Пусть я и считался в народе дурачком, но все же оставался законным сыном Императора и Императрицы. И то, что я ютился в камерке Палаты государственного этикета, которая уступала даже жилью слуг, явно лишало его сна.

Он смотрел на меня с подобострастной надеждой.

Увы, мне пришлось его разочаровать.

— Я буду жить здесь, — отрезал я.

Цзи Минчэнь хоть и являлся вражеским заложником, все же оставался Наследным принцем Северного Инь. Простой чиновник из Палаты государственного этикета никогда бы не дерзнул самовольно морить его голодом и холодом. Выходит, приказ поступал с самого верха.

Августейший отец взвалил на себя заботу о миллионах дел и не стал бы вникать в подобные мелочи. Значит, за всем этим стоял Чу Цзюнь.

Чу Цзюнь — мой старший брат и венценосный Наследный принц. Я не мог вылить свой гнев прямо ему в лицо.

А потому оставалось срывать злость на других.

Пусть все считали меня дурачком с кротким нравом, но, прожив столько лет в императорских дворцах, я не мог не пропитаться барским упрямством, свойственным властителям.

Глава Палаты затрепетал и рухнул на колени.

Он бился лбом о пол, моля и стеная, чтобы я согласился на переезд. В его голосе звучала такая надрывная, слезливая скорбь, что со стороны могло показаться, будто я приказал вырезать весь его род.

Но разве может глупец позволить сановнику так легко добиться своего? И я с наивным видом пролепетал:

— А мне и здесь хорошо! И тепло, и спится сладко. Никаких обид!

Будь я в полном уме, он мог бы попытаться воззвать к моей логике. Но против моего ребяческого упрямства у него не было никаких средств.

В конце концов чиновник отступил.

В последующие дни глава Палаты неизменно приходил каждое утро, умоляя о том же.

Вот они, умники!

Прекрасно зная, что я не сдвинулся с места, он все равно аккуратно выполнял этот ритуал, дабы продемонстрировать верность долгу перед вышестоящими. Эти лицемерные церемонии умников вызывали у меня лишь отвращение.

И все же, несмотря на его ежедневные надоедливые визиты, настроение мое с каждым днем улучшалось.

Ибо Цзи Минчэнь был на грани пробуждения.

Каждую ночь я засыпал, обнимая его, и шептал ему бесчисленное множество слов. Времени у меня было предостаточно: я не спеша вспоминал прошлое и пересказывал ему всю свою жизнь от самого рождения.

И со временем его густые, похожие на веера черные ресницы стали подрагивать — едва заметно, словно крылья мотылька. А когда я чертил узоры на его ладони, его пальцы невольно вздрагивали, точно пытаясь сжать мою руку в ответ.

Придворный лекарь приходил каждый день, осматривал его и варил густые, черные снадобья, которые больной постепенно научился глотать сам.

Второй брат, Чу Са, тоже заглядывал к нам и развлекал его байками о военных походах.

В такие минуты сердце мое наполнялось особой теплотой к брату: я видел, что Чу Са искренне желает ему выздоровления. В прошлом они не раз сходились на поле брани как заклятые враги и знали друг друга лучше всех. А оттого между ними царило то особое уважение, что бывает лишь между достойными соперниками.

Но он все еще не открывал глаз.

Лекарь объяснял, что душа его плутает во тьме, и все зависит от того, хватит ли у него воли к жизни, подтолкнет ли она его упрямо искать выход к свету.

Если же желание жить угасло, он так и останется в небытии навечно.

По словам старого лекаря, ему нужен был повод, заветная цель, что выведет его сквозь беспросветную ночь.

Я не совсем понял эти мудреные слова.

Потому я просто продолжал засыпать, переплетя наши пальцы, и шептал ему всякие глупости и пустяки. Я и не подозревал, что во мне таится столько невысказанного. В сущности, я был невероятно ленив, и связывать слова в длинные речи всегда давалось мне с большим трудом.

Но говорить с ним оказалось удивительно легко и просто.

Каждое утро я поднимал оконные шторы, впуская солнечный свет, и переставлял горшки с орхидеями на подоконник.

А по вечерам возвращал цветы к изголовью кровати и нежно касался губами его ресниц.

Я не считал дней. Я просто ждал его пробуждения так, как ждут весеннего цветения.

В тот день около полудня я, как обычно, примостился у края постели, не сводя с него глаз.

Стоило мне засмотреться на него, как мысли улетали прочь. Я мог просидеть в таком забытии несколько часов подряд, пока слуги не окликали меня.

Однако на этот раз из транса меня вырвала острая, внезапная боль. Я нахмурился и судорожно прижал руку к животу, с запозданием осознав: слуги до сих пор не подали обед.

В детстве я был глуповат и не умел просить еду. Если слуги забывали принести обед, я так и оставался голодным, отчего со временем нажил болезнь желудка. Стоило слегка пропустить время трапезы, как начиналась невыносимая боль. Потому слуги всегда трепетно следили за часами и никогда не задерживали подачу блюд.

... Но куда же они подевались?

За пару мгновений от резкого приступа меня обсыпало холодным потом. Сквозь тупую боль я с трудом вспомнил: Дунцзы утром забрали во дворец по приказу Матушки-императрицы, а Сяфэна я сам отослал на гору Духов. Там находилось поместье, пожалованное мне Августейшим родителем — с фруктовыми садами, горячими источниками и живописными видами. Прекрасное место для отдыха и восстановления сил. Я планировал отвезти туда Цзи Минчэня, как только он поправится.

Как же больно... Желудок будто кололи раскаленными иглами. Я изо всех сил сжимал бок; капли холодного пота срывались со лба, застывая глаза. Но даже сквозь эту резь в голову лезли нелепые мысли: неужели придется есть стряпню из Палаты государственного этикета?..

Глава Палаты каждый день разыгрывал этот спектакль: прекрасно зная, что я отмахнусь от его подношений, он упорно присылал людей с приглашениями, чем невероятно изводил меня.

Но ведь я злился на него! Как я мог опуститься до его угощения?

И все же... боль крутила немилосердно. Я давно не испытывал ничего подобного, а терпеть боль никогда не умел.

Я закусил губу, обливаясь потом. Упрямая гордость боролась во мне с адской мукой: сдохнуть от боли, но сохранить лицо, или сдаться и поесть, запятнав свое достоинство?

И тут в тишине комнаты раздался слабый, едва слышный шепот:

— Что с тобой?..

— Я голоден, — обиженно пролепетал я.

И тут же обомлел. Сердце мое пропустило удар, и я резко вскинул голову.

Те самые черные ресницы, к которым я прикасался губами сотни раз, медленно дрогнули и приподнялись. И на меня уставились темные, глубокие глаза.

<http://bllate.org/book/20619/2119261>